

ИСТОРИЯ

В. М. ЗУБАРЬ

ЕЩЕ РАЗ ПО ПОВОДУ ПОЗДНЕСКИФСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

Вопросы, связанные с характером позднескифской государственности, привлекали и продолжают привлекать внимание исследователей. Но если наличие определенной государственной организации у поздних скифов ни у кого не вызывает принципиальных возражений, то о ее характере существуют различные, порой противоположные мнения [68, с. 137].¹ С одной стороны, исследователи считают, что позднескифское государство следует относить к раннеклассовым [90, с. 250], с другой, опираясь на анализ материалов могильников, которые свидетельствуют о якобы значительной социальной дифференциации скифского общества, полагают, что оно было достаточно развитым классовым социальным организмом, включавшим в свой состав зависимое население и даже рабов [19, с. 199; 20, с. 139-143]. А.Н.Щеглов в специальной работе, сравнивая Позднюю Скифию с Парфией, рассматривал "царство Скилура и его преемников как варварское государство эллинистического типа с крепкой центральной властью и эллинизированной верхушкой" [101, с. 37; 102, с. 150]. Несмотря на то, что эта точка зрения была подвергнута вполне обоснованной критике [см.: 20, с. 142-143], она, тем не менее, нашла поддержку у ряда современных исследователей.

А.Е.Пуздровский, например, в статьях, посвященных вопросам политической и этносоциальной истории Поздней Скифии, опираясь на теоретические разработки А.Н.Щеглова, охарактеризовал государственное объединение поздних скифов времени правления Скилура, как "варварское государство эллинистического типа с крепкой центральной властью и эллинизированной верхушкой" [76, с. 94; ср.: 74, с. 110]. В другой своей статье он пишет, что позднескифское государство "...при Скилуре было варварским государственным образованием с признаками монархии эллинистического типа" [74, с. 118]. С А.Е.Пуздровским практически солидаризировался Ю.П.Зайцев, который определил "...державу Скилура как государство с признаками эллинистической монархии и одновременно с чертами раннеклассовых структур дворцово-храмового типа". В качестве аналогий Неаполю Скифскому он привел дворцово-храмовые комплексы крито-микенской культуры, полагая, что типологически это "...позволяет сравнивать позднескифское государство II в. до н.э. с древнейшими государствами Средиземноморского бассейна, которые, по сути, были дворцово-храмовыми и отражали гораздо более древние по

¹ Библиографию см.: 92, с. 86.

происхождению процессы, чем явления эпохи эллинизма” [42, с. 147; ср.: 39, с. 98; 40, с. 57]. Самобытным, варварским по своему характеру считает царство поздних скифов Т.Н.Высотская [20, с. 143].

Таким образом, ведущими специалистами в области позднескифских древностей в настоящее время Позднескифское царство во II в. до н.э. рассматривается практически в качестве сословно-классового государственного образования, которое “имело все предпосылки для включения в орбиту своего влияния Ольвию и Боспор, а в перспективе и Херсонес” [76, с. 94], хотя оговаривается его варварский характер и типологическая связь с социальными организмами значительно более раннего времени. Иными словами, Т.Н.Высотская, А.Е.Пуздровский и Ю.П.Зайцев считают, что поздние скифы уже преодолели раннеклассовый этап развития [ср.: 90, с. 250], который был характерен для всех без исключения народов древности при переходе от первобытности к сословно-классовому обществу [70, с. 74-189], и вступили на стадию достаточно развитого классового общества или вышли на уровень цивилизации [72, с. 296-300].

Из приведенных дефиниций нетрудно заметить, что выводы указанных авторов об уровне развития позднескифской государственности содержат ряд методических ошибок. Во-первых, наличие определенного типа государственной организации у поздних скифов хронологически ограничено только периодом правления Скилура и его ближайшего преемника, что хронологически охватывает вторую половину II в. до н.э. Ведь, согласно А.Е.Пуздровскому, “поражение скифов в войнах с Диофантом и политическая зависимость от понтийских, а впоследствии от боспорских правителей прервали развитие государственных институтов и привели к распаду военно-административной системы...” [74, с. 118]. Иными словами, варварское государство эллинистического типа у поздних скифов существовало лишь на протяжении жизни Скилура и его сына Палака, а вся дальнейшая его история развивалась уже вне этого государственного образования, в “нескольких областях, управлявшихся “басилевсами”” [74, с. 118]. Но непонятно, к какому из известных типов государственной организации следует относить поздних скифов после Скилура, и кем фактически были эти “басилевсы”.

Во-вторых, из приведенных определений скифской государственности не ясно, что скрывается под понятиями “самобытный варварский характер”, “варварское государственное образование”, “монархия эллинистического типа”, и какая существует связь между этими дефинициями и “дворцово-храмовыми комплексами”, которые “отражали гораздо более древние по происхождению процессы, чем явления эпохи эллинизма” [42, с. 147; ср.: 39, с. 98; 41, с. 49]. Создается впечатление, что указанные авторы достаточно механически, исходя только из формальных признаков, соединили перечисленные дефиниции и дали достаточно спорное, расплывчатое определение скифской государственности, в котором сочетаются признаки, присущие эллинистическим государствам последней четверти IV – середины I в. до н.э. (“эллинистическая монархия”) и явления, характерные для Крито-микенской цивилизации II тыс. до н.э. (дворцовые центры), которое есть все основания относить к предполисному (раннеклассовому) периоду истории Греции [72, с. 299]. В основе такого определения отсутствует не только анализ стадийного уровня развития позднескифского общества, но и конкретная форма организации государственной жизни поздних скифов на протяжении всего периода их истории в сравнении с развитием аналогичных обществ в целом [подр. см.: 70; 72].

Как представляется, позднескифское царство в Таврике нет никаких оснований рассматривать в качестве государственного образования или монархии “эллинистического типа” [ср.: 101, с. 37]. Несмотря на различные толкования термина “эллинизм”, видимо, можно согласиться с К.К.Зельным, что эллинизм — это “конкретно-историческое явление, характеризующееся сочетанием и взаимодействием эллинских и местных, главным образом восточных, начал в области экономического строя, социальных и политических отношений в идеологии и культуре. Это сочетание происходило в конкретной исторической обстановке, определявшейся в основном в результате македонского завоевания” [62, с. 12; 61, с. 3; подр. см. 45, с. 145-156; 46, с. 99-108]. При этом эллинистические государства — это обширные территориальные государственные образования, включавшие в себя полисы или гражданские общины, базировавшиеся на определенной форме земельной собственности, на основе которой и велось сельскохозяйственное производство. Эллинизм характеризуется процессом мощной колониционной волны, развитием товарного производства, возникновением новых центров ремесла и торговли, разделением труда и др. [61, с. 71], чего в позднескифском обществе не наблюдается ни в правление Скилура [ср.: 41, с. 40-41], ни позднее.

В непосредственной связи со сказанным стоит вопрос о роли греческого этнического компонента в формировании позднескифской культуры и государственности, ибо, как указывалось, одной из наиболее характерных черт эллинизма является взаимодействие эллинских и местных начал во всех сферах жизни. Но, как представляется, степень сочетания эллинского и варварского начал в позднескифской культуре явно преувеличивается [ср.: 101, с. 35-37]. К тому же, постулируя факт участия греков в сложении позднескифского царства и его культуры, исследователями не определяется характер и содержание этого явления. Поэтому обратимся к конкретным материалам по этой проблеме.

В настоящее время практически все исследователи солидарны в том, что греческий элемент наиболее ярко прослеживается на начальном этапе развития позднескифского царства и преимущественно на материалах Неаполя [74, с. 103-104; 76, с. 91-94; 101, с. 35-37]. Причем не исключено, что царская ставка Скилура возникла на месте более раннего греческого поселения, причины появления которого и характер еще предстоит выяснить [38, с. 87; 41, с. 37; ср.: 58, с. 20]. Как считает Ю.П.Зайцев, именно на месте этого поселения после пожара около 137-130 гг. до н.э. начинается строительство двора с бассейном и греческого портика, который около 130-125 гг. до н.э. был видоизменен и превратился в дворцовый комплекс (Южный дворец). Приблизительно в то же время, непосредственно поблизости центральных ворот, был построен мавзолей, служивший усыпальницей Скилура и местной знати вплоть до походов Диофанта [подр. см.: 35, с. 83-94; 37, с. 47-48; 41, с. 37-46; 43, с. 13-54; 44, с. 232-233]. Территория, где велось строительство, видимо, несколько раньше была укреплена оборонительной стеной [58, с. 32; 59, с. 156] и превратилась в царскую ставку, где основную массу жителей составляли приближенные царя [44, с. 232-234].

Интерпретируя Южный дворец в качестве резиденции знатного рода и культового центра, Ю.П.Зайцев подчеркивает, что археологический материал и эпиграфические памятники свидетельствуют о значительной степени эллинизации его обитателей [35, с. 89-94; 41, с. 36-49]. Исследователь также отметил, что ряд черт, зафиксированных при раскопках дворцового комплекса (фрески, ордерная архитектура, серии терракот),

достаточно близки, если не тождественны, аналогичным памятникам из Ольвии [35, с. 92; 37, с. 47]. А мавзолей Неаполя был первоначально использован для погребений греков и лишь позднее их место заняли умершие иного этнического происхождения [36, с. 97; ср.: 43, с. 13-54]. Все это, и в частности эпиграфические памятники с посвящениями греческим божествам (Зевсу-Атабирию, Зевсу-царю, Афине Линдии, богине Ролос, Ахиллу Понтарху) [IOSPE, I², № 668-673; 79, с. 32-44], свидетельствует о достаточно высоком удельном весе греческого компонента в составе обитателей Неаполя в период правления Скилура (рис. 1). А ряд археологических материалов находит прямые аналогии в Ольвии и позволяет связывать возведение комплекса Южного дворца с периодом сближения позднескифского царства с этим центром. Весьма показательна в этом отношении и чеканка Скилуром своих монет в Ольвии, которые исследователи относят ко второй половине II в. до н.э. [2, с. 52-53; 56, с. 28-33; 57, с. 102; 88, с. 44-53]. Но это было вызвано не экономической потребностью определенного уровня развития экономики поздних скифов, а являлось чисто политической акцией Скилура [68, с. 138; ср.: 1, с. 117-138].

Вместе с этим, Скилура нельзя рассматривать в качестве обычного эмитента [ср.: 2, с. 53]. Все приведенные данные, а также резкое изменение во второй половине II в. до н.э. внешнеполитической и экономической ориентации Ольвии с Херсонеса на позднескифское царство², безусловно, свидетельствуют о том, что Ольвия добровольно отдала себя под покровительство Скилура [11, с. 230-250; 103, с. 147; ср.: 64, с. 38]. Этот протекторат мог быть оформлен в виде обычной в античном мире симмахии, обеспечивавшей ольвиополитам военную поддержку более сильного в военном отношении союзника [52, с. 48; ср.: 76, с. 92]. Но, естественно, такой союз не мог быть равноправным. Скорее напротив, при сохранении внешних атрибутов независимости фактически гражданская община ольвиополитов самостоятельно решала лишь вопросы внутреннего самоуправления. Внешняя и отчасти экономическая ее деятельность были подчинены интересам государственного образования Скилура [ср.: 11, с. 230-250, 274-276]. Это заключение подтверждается изменением характера херсонесско-ольвийских связей, в сравнении с более ранним временем, и данными, полученными в ходе изучения керамической эпиграфики [52, с. 47-48; ср.: 76, с. 90]³.

Однако не только Ольвия, но и Скилур, объединивший под своей властью поздних скифов и начавший строительство своего государства, был заинтересован в привлечении греков в свою столицу и использовании их "интеллектуального потенциала". Имеющиеся данные, и в первую очередь упоминавшиеся посвящения греческим божествам, могут свидетельствовать о том, что, подобно другим варварским династам, Скилур окружил себя греческими советниками [11, с. 274; ср.: 1, с. 156-157]⁴. А один из них, ольвиополит

² Не исключено, что в это время вокруг Ольвии сложилась такая же обстановка, которая для несколько более раннего времени достаточно ярко охарактеризована в ольвийском декрете в честь Протогена [IOSPE, I², № 32 В. 5-8; 11, с. 180-183].

³ Предположение А.Е.Поздровского, что якобы Родос, толкая Ольвию на разрыв связей с Херсонесом, тем самым старался устранить своего торгового конкурента [76, с. 90], не приемлемо и является модернизацией. Такое явление, как конкуренция в нынешнем ее понимании, была чужда докапиталистической стадии развития экономики [подр. см.: 12, с. 27-28; 13, с. 107; 15, с. 75, 76; 26, с. 87; 66, с. 65; 84, с. 138; 96, с. 33-34, 36; ср.: 109, с. 166-170].

⁴ Нельзя исключить и того, что какая-то часть греков, живших в позднескифской столице, могла быть эмигрантами, которые по каким-то не ясным для нас причинам покинула греческие города [ср.: 63, с. 83].

Посидий, сын Посидия [11, с. 243-245], не только был советником царя, но и возглавил, а также осуществил конкретную победоносную военную акцию против "пиратствующих сатархеев" [IOSPE, I², № 672; 79, с. 37-40]. Если принять гипотезу о том, что сатархи были сарматами [подр. см.: 76, с. 93, прим. 57; ср.: 58, с. 17; 103, с. 143-146], то такая победа над ними была в интересах не только поздних скифов, но и ольвиополитов.

В связи с этим примечательно, что Скилур, вероятно, установил династические связи с правящим домом Боспора, о чем свидетельствует брак его дочери Сенамонтис со знатым боспорянином Гераклидом [10, с. 58-61; 103, с. 147].⁵ Как считает ряд современных исследователей, союз Скилура с боспорскими правителями в первую очередь был направлен на противодействие сарматской экспансии, угрожавшей этим государствам [10, с. 67, 85-86; 76, с. 93-95].⁶ Однако вывод А.Е.Пуздровского о том, что строительство позднескифских крепостей, обусловленное сарматской угрозой, в Таврике и на Нижнем Днепре в последней четверти II в. до н.э. "осуществлялось в рамках общей программы защиты Ольвии и Скифского царства" [76, с. 94], представляется малоубедительным и не находит подтверждения в источниках. Возведение специализированных оборонительных линий и фортов требует довольно больших ресурсов, людских и материальных, а также развитой и централизованной системы управления государством [ср.: 58, с. 85-88, 90, 92]. Но ни того, ни другого, судя по имеющимся материалам, в Поздней Скифии того времени не было. Скорее всего, укрепление оборонительных сооружений и возведение новых следует объяснять не продуманной и целенаправленной политикой позднескифских правителей, а военно-политической ситуацией, сложившейся в это время во всей Причерноморской зоне, которая была связана с миграцией сюда сарматов [ср.: 58, с. 95-96].

Если наличие выходцев из греческой этнической среды в составе населения царской ставки Неаполя надежно засвидетельствовано для второй половины II в. до н.э. различными категориями источников, то ситуация здесь и в других районах Поздней Скифии в более позднее время не так однозначна [ср.: 21, с. 209-215; 74, с. 104-105]. Т.Н.Высотская считает, что экономические связи греков с поздними скифами в основном сводились к взаимовыгодной торговле [21, с. 210]. Однако наличие античных вещей, и в первую очередь керамики на поселениях и в могильниках,⁷ еще не свидетельствует о "взаимовыгодной" торговле, так как она предполагает наличие более или менее устойчивого эквивалента [65, с. 82-91], в данном случае денег, роль которых в то время выполняли античные монеты. А находки монет на позднескифских памятниках, в сравнении со слоями античных центров Северного Причерноморья, практически единичны [31, с.

⁵ Вероятно, этим объясняется определенное своеобразие антропологического материала, обнаруженного в погребениях мавзолея Неаполя Скифского [см.: 74, с. 104, прим. 60-62].

⁶ Необоснованным представляется вывод А.Е.Пуздровского со ссылкой на Ю.П.Зайцева о том, что "в духовной культуре неапольской аристократии прослеживается все больше связей с эллинистической верхушкой азиатского Боспора" [76, с. 94]. Во всяком случае, на указанных страницах работы Ю.П.Зайцев об этом ничего не говорит [см.: 41, с. 36-46].

⁷ Следует отметить, что в экономические связи с античными центрами, видимо, было втянуто не все население Поздней Скифии. Во всяком случае, на поселении Золотое Ярмо, расположенном на склоне Долгоруковской яйлы, обнаружено очень мало обломков амфор и краснолаковой керамики, а также лепных сосудов сарматских форм [94, с. 110], что свидетельствует об определенном своеобразии в развитии этого района.

21; 82, с. 32, прим. 31].⁸ Поэтому есть все основания говорить, что экономические связи между античными центрами и поздними скифами строились не на торговых операциях, в которых использовался денежный эквивалент, а на основе натурального обмена [ср.: 11, с. 235-236; 31, с. 22], который не мог быть в принципе и не был равноценным, а тем более "взаимовыгодным".⁹ Иными словами, наличие предметов античного импорта у варварского населения Таврики, так или иначе, предполагает его эксплуатацию, базирующуюся на неэквивалентном обмене [ср.: 47, с. 49-50; 106, р. 130-132]. Ведь именно включение ресурсов местного населения в орбиту экономической деятельности привело к подъему, который переживал Херсонес в первые века н.э. во всех сферах жизни [подр. см.: 50, с. 90].

Одним из признаков эллинизации населения Юго-Западной и Центральной Таврики считается наличие греческих граффити на краснолаковой посуде, обнаруженной в значительном количестве в погребениях Усть-Альминского могильника и могильника Бельбек IV. Несколько меньше таких находок зафиксировано в других позднескифских некрополях [33, с. 187-193; 53, с. 79, рис. 5,2; 73, с. 167-180; 110, с. 151]. Не отрицая в принципе возможности использования местным эллинизированным населением греческого языка [ср.: 80, с. 39], следует обратить внимание на два весьма существенных момента, важных для интерпретации такого рода памятников.

Как известно, процарапанные надписи на сосудах или граффити на греческом языке являются типичной чертой античной культуры и отражают различные стороны жизни, а также круг религиозных верований главным образом греческого населения античных центров [25, с. 5-14]. Исходя из этого, можно было бы предполагать, что носители греческого языка и обычаев жили на позднескифских поселениях и хоронили умерших в одних могильниках с варварским населением. Однако это не так, ибо в позднескифских могильниках, несмотря на безусловное наличие заимствованных черт греческого погребального обряда [21, с. 211-213], пока не известны захоронения, которые можно было бы по всему комплексу признаков интерпретировать в качестве эллинских [74, с. 104-105]. Следовательно, появление группы керамики с граффити в позднескифских погребениях следует объяснять не присутствием греков в среде варварского населения, а иными причинами.

Граффити, обнаруженные в значительном количестве в могильнике Бельбек IV и Усть-Альминском могильнике, процарапаны главным образом на сосудах группы *Eastern sigillata B*, датирующихся второй половиной I в. н.э. В первой половине II в. н.э. ее количество сокращается [34, с. 113; ср. 32; 33, с. 187, 192-193]. Сосуды с граффити более позднего времени не столь многочисленны. Следовательно, краснолаковые сосуды с граффити являются характерной чертой позднескифской материальной культуры лишь для хронологически ограниченного отрезка времени.

⁸ Не противоречит этому выводу и то, что греко-варварский обмен в ближайших окрестностях Херсонеса мог осуществляться с использованием денег [82, с. 32]. Аналогичное положение отметил Тацит для Германии, где деньгами пользовались преимущественно те германцы, которые жили вблизи границ империи [Tac. Ger., 5; ср.: 1, с. 138; 98, с. 198-199; ср.: 23, с. 281].

⁹ Состав монетных кладов, обнаруженных на позднескифских памятниках, в которых наиболее ранние экземпляры датируются временем правления Александра Македонского, а самые поздние относятся к первой четверти III в. н.э. [31, с. 22], свидетельствует, что у варварского населения деньги не являлись средством обращения, а использовались в основном как сокровища.

В связи с этим необходимо учитывать, что именно со второй половины I в. н.э., видимо, после похода Тиберия Плавтия Сильвана в Таврику [48, с. 19-27; 51, с. 26-29], возобновляются достаточно интенсивные экономические связи Херсонеса с населением Юго-Западной Таврики и Бельбекской долины в частности [55, с. 58; 82, с. 27]. Причем, среди античного импорта количественно преобладает посуда малоазиатского и самосского производства [лит-ру см.: 50, с. 43, 55]. Достаточно показательным в этом отношении является керамический материал из погребений могильника Мамай-Оба в междуречье Качи и Бельбека [53, с. 75-80].

Исходя из этого, можно заключить, что во второй половине I – начале II в. н.э. Херсонес выступает в качестве центра посреднической торговли, так как его собственное керамическое производство, вероятно, не могло удовлетворить спрос на этот тип продукции [55, с. 87; ср.: 50, с. 55]. С середины II в. н.э. положение меняется, и в могильниках Юго-Западной Таврики четко фиксируется рост продукции ремесленных мастерских Херсонеса [82, с. 28-29, 31], где собственное производство керамики по привозным образцам было налажено в более или менее широких масштабах, скорее всего, около этого времени [50, с. 43; ср.: 54, с. 91-98; 86, с. 120-123]. Хронологически, если исходить из опубликованных материалов, это совпадает со значительным уменьшением количества граффити на сосудах.

Такая положение объясняется, видимо, тем, что в условиях сравнительно слабого развития собственного керамического производства после его упадка, связанного с херсонесско-скифскими войнами и нестабильной ситуацией [50, с. 42-43], а также вследствие резко увеличившегося спроса со стороны варварского населения, херсонеситы могли наладить сбыт в Юго-Западную Таврику привозной краснолаковой посуды, уже бывшей в употреблении [ср.: 73, с. 178]. Только этим, как представляется, а не распространением в среде позднескифского населения греческого языка и культуры, может быть объяснено появление в указанный хронологический отрезок времени значительного количества краснолаковой керамики с граффити в позднескифских могильниках.

Говоря о контактах между греками и поздними скифами, правомерным будет поставить вопрос об их характере. Ведь только выявив реальное, а не мнимое, сочетание и взаимодействие эллинических и местных начал в экономическом строе, социальных и политических отношениях, в идеологии и культуре, позднескифское государственное образование и его культуру типологически можно связывать с эллинизмом.

Несмотря на то, что во второй половине II в. до н.э. в Неаполе, при ставке Скилура, жило какое-то количество греков, а аристократическая верхушка царства была подвержена определенной степени эллинизации, говорить о ее слиянии с греками не приходится. Для более позднего времени также нет убедительных данных, свидетельствующих бы о синкретизме античной и позднескифской культур, политических отношений, экономического строя, идеологии и др. Следовательно, античное и позднескифское общество, находившиеся на разных стадиях развития, развивались рядом друг с другом, а не выступали как нечто единое [ср.: 89, с. 26-27], как это было характерно для государств эллинистического типа [см.: 14, с. 310-371; 24, с. 59-84; 78; 87, с. 14-58].

Близкое соседство, разносторонние контакты, в том числе и экономические, а также, видимо, присутствие какого-то числа этнических греков в составе позднескифского

населения действительно обусловили определенную степень эллинизации последнего¹⁰, что неоднократно отмечалось исследователями [см.: 21, с. 209-215; 74, с. 104-105 и др.]. Но это не привело к синкретизму указанных социальных организмов и культур. В широком историческом плане этот процесс следует рассматривать в русле изучения проблемы взаимоотношений античного общества, далеко ушедшего вперед в своем социально-экономическом и политическом развитии, с варварской периферией в конкретно-исторических условиях Таврики рубежа и первых веков н.э. [ср.: 6, с. 34-52; 89, с. 17-27; 98, с. 177-200; 104, р. 69-95; 105, р. 29-40; 108, р. 31-59, 98-131; и др.].¹¹ Не следует также забывать, что благодаря расширению экономических связей с населением Таврики, а фактически его эксплуатации [ср.: 89, с. 25], Херсонес во второй половине II – первой половине III в. н.э. переживал новый расцвет [см. 50, с. 89-91, 113]. А это не могло самым непосредственным образом не отразиться на характере процесса эллинизации жителей Поздней Скифии и связанных с этим явлений.

Несмотря на то, что этот вывод должен быть конкретизирован на основе анализа сравнительного материала, углубленного изучения стадийного уровня политического и социально-экономического развития позднескифского общества на базе всех доступных данных, уже сегодня можно достаточно уверенно заключить, что термин “эллинистический” применительно к поздним скифам может служить лишь хронологическим индикатором, но отнюдь не отражает содержание такого явления, каким было позднескифское государственное образование в Таврике.

Как на археологическом материале убедительно доказал Ю.П.Зайцев, городище Керменчик, отождествляемое с Неаполем Скифским времени правления Скилура, не может рассматриваться в качестве раннегородского центра [ср.: 44, с. 234]. По сути, Неаполь во время правления Скилура являлся крепостью, практически лишенной системной застройки, где располагался дворцовый комплекс, защищенный оборонительными сооружениями [42, с. 144; ср.: 38, с. 67-89; 41, с. 49; 58, с. 29-38]. Следовательно, по выделяемым признакам этот центр Поздней Скифии не был раннегородским центром [подр. см.: 50, с. 118-120; 70, с. 59], а в лучшем случае здесь в период правления Скилура и его сына Палака находился политический центр, обеспечивающий редистрибуцию материальных благ в позднескифском обществе [70, с. 63-64]. Судя по имеющимся данным, Неаполь не был также центром более или менее прочного экономического единства, а выполнял лишь функции, присущие раннегородской структуре, где в период правления Скилура происходили концентрация и перераспределение прибавочного продукта, производившегося в обществе [подр. см.: 50, с. 118]. Поэтому появление Неаполя, фактически ставки правителя и, видимо, культового центра [ср.: 41, с. 49], а также достаточно активное его функционирование в период правления Скилура следует рассматривать в качестве археологического свидетельства наличия у поздних скифов раннеклассового социального организма, а дворцово-храмовый комплекс, о котором пишет Ю.П.Зайцев [42, с. 145-147], являлся

¹⁰ В этом отношении любопытную деталь приводит Тацит, сообщая, что в столице свебов, захваченной римлянами при Тиберии, были обнаружены выходцы с территории римских провинций, которых во враждебную страну привела торговля, жажда наживы и забвение родины [Тас. Анн., II, 62].

¹¹ Здесь уместно вспомнить образное выражение Г.Чайлда о том, что “более древняя цивилизация играет роль повивальной бабки, облегчающей родовые муки варварству” [95, с. 166].

центром редиистрибутивных связей [70, с. 63-64]. Если обратиться к материалам других позднескифских городищ, известных по результатам археологических исследований [18, с. 17-68; 22, с. 7-46; 31, с. 8-22; 91, с. 3-31], то станет ясно, что это были укрепленные поселения, являвшиеся центрами сосредоточения земледельческого населения и домашнего производства ремесленной продукции, которое так и не вышло на уровень товарного [74, с. 118].¹²

Говоря о позднескифском государстве Скилура, А.Е.Пуздровский и Ю.П.Зайцев, подчеркивают, что оно имело признаки, характерные для монархии эллинистического типа [42, с. 147; 74, с. 118]. Однако, как уже отмечалось, государство поздних скифов нельзя рассматривать как эллинистическое. Следовательно, и в государственном строе этого социального организма не может быть признаков, присущих эллинистической монархии. Действительно, и это сейчас не вызывает ни у кого сомнения, Скилур и его сын Палак объединили под своей властью, вероятно, военной силой, различные племенные группы населения Таврики, предводители которых античной традицией рассматривались в качестве многочисленных "сыновей" Скилура [49, с. 100-101; 111, р. 46-47; ср.: 101, с. 34]. Однако ни это, ни наличие признаков "династического культа" в Неаполе Скифском [42, с. 146-147; ср.: 41, с. 49], с которым связано погребение в мавзолее [36, с. 93-99; 42, с. 131-136; 43, с. 13-54], не позволяет еще видеть в Скилуре, и, видимо, в его возможном соправителе – Палаке [19, с. 198; 81, с. 58-59] (рис. 2) монархов эллинистического типа, так как отмеченные явления в целом характерны для раннеклассовой стадии развития общества [70, с. 71]. А это при определении характера власти Скилура и Палака требует определенной корректировки терминологии, используемой античными авторами.

Если исходить из современных теоретических разработок, то характер управления Скилура наиболее близок надплеменной политической власти с административно-экономическими функциями и практикой наследования привилегированных статусов. Следовательно, под титулом "басилевс Скилур" античных авторов и эпитафических памятников следует понимать не монарха эллинистического типа, а стадияльно более раннюю политическую форму власти, близкую по своим основным признакам понятию "правитель" или "династ".

Выделение родовой аристократии во главе с родом правителя и примыкающей к ней родовой знати является одним из достаточно четких показателей перехода к раннеклассовым общественным отношениям [ср.: 72, с. 206]. Однако, говоря о знати, следует обратить внимание на то, что, помимо погребений в мавзолее Неаполя Скифского [36, с. 93-99; 42, с. 131-136; 43, с. 13-54], в могильниках поздних скифов очень трудно выделить группы могил, которые можно было бы безоговорочно связать с этой социальной группой населения [92, с. 87]. Показательными в этом отношении являются в первую очередь могилы с оружием и конской уздай, а не с изделиями из драгоценных металлов и предметами роскоши, как думает Т.Н.Высотская [20, с. 141]. Наличие оружия и конской узды в могиле, вне всякого сомнения, свидетельствует о

¹² В этом отношении весьма показательным является небольшое количество монет, обнаруженных на поселениях и в могильниках поздних скифов. Интересно, что подавляющее количество нумизматических находок относятся к I - первой четверти III вв., когда собственного государственного образования у поздних скифов уже не существовало [ср.: 31, с. 21-22].

достаточно высоким социальном статусе погребенного, который был воином, что выделяло его из основной массы населения¹³. Мужчина-воин участвовал в походах и входил в состав той части населения, на которую опирался в своей внешней и внутренней политике правитель, что делало этот слой привилегированным в обществе. Не удивительно поэтому, что оружие часто изображалось на антропоморфных стелах, а на надгробиях – вооруженные всадники [4, с. 60-61; 31, с. 27-28; 92, с. 87]. К сожалению, очень редко такие памятники можно связать с конкретными погребениями [31, с. 27], что не позволяет безоговорочно считать их атрибутом именно позднескифской культуры. Не исключено, что они принадлежали сарматам, начавшим активно проникать в Юго-Западную часть Таврического полуострова с I в. н.э. [ср.: 17, с. 152-154].

В отличие от погребений рядовых скифов IV–III вв. до н.э. [см.: 7, табл. 14], в позднескифских могильниках предметов вооружения, конской узды и захоронений лошадей в целом сравнительно немного. Т.Н.Высотская считает возможным объяснять это явление достаточно спокойной обстановкой вплоть до III-IV вв., когда процент погребений с оружием в могильниках варварского населения Таврики увеличивается [18, с. 147-149]. В этом отношении достаточно показателен могильник у с. Заветное, где из 200 исследованных погребальных комплексов оружие было обнаружено только в четырех [18, с. 147]. Сходное положение отмечено и для других позднескифских могильников [5, с. 146; 16, с. 96-121; 22, с. 86-90; 28, с. 43; 29, с. 26; 31, с. 34-35, 40-41; и др.], включая и грунтовой могильник Неаполя Скифского [83, с. 84-86]. Судя по типологии, это оружие можно отнести к образцам вооружения сарматского круга, датирующимся временем не ранее I в. н.э. [18, с. 149-151; 21, с. 88-89; 31, с. 34-35]. Это, как и ряд иных особенностей погребального обряда, позволяет связывать захоронения с оружием и предметами конской узды не с поздними скифами, а с сарматами [подр. см.: 77, с. 122-140; ср.: 3, с. 175-186]. Сказанное хорошо согласуется с выводом о том, что в оседлых, земледельческих обществах, в отличие от кочевых, большинство жителей было исключено из занятий военным делом [63, с. 81].

Таким образом, наличие родовой аристократии во главе с правителем на материалах позднескифского погребального обряда достаточно четко фиксируется только для сравнительно краткого промежутка времени, ограниченного правлением Скилура и его сына, наследника или соправителя, Палака. В более поздний период, в I в. до н.э. – II в. н.э., несмотря на наличие небольшого количества погребений с оружием, предметами конской узды, изделиями из драгоценных металлов и предметами роскоши, нет оснований говорить о наличии в позднескифском обществе достаточно многочисленного слоя родовой знати, связанного с правителем и являвшегося его опорой. Причины этого весьма показательного явления, вероятно, следует искать в особенностях исторического развития поздних скифов на рубеже и в первых веках н.э., что является предметом отдельного специального исследования. Здесь же необходимо отметить лишь то, что в отмеченном явлении следует видеть одну из главных особенностей социального развития поздних скифов на рубеже и в первые века н.э.

¹³ Всадник у многих народов древности ассоциировался с аристократией, обладавшей властными функциями, чем и объясняется изображение богов и героев в виде всадника [100, с. 248-249, 254-256, 258].

Наряду с представителями слоя родовой знати, для раннеклассового социального организма характерно наличие массы рядовых общинников, среди которых уже имеет место внутреннее расслоение [70, с. 69]. Поэтому, говоря о характере государства у поздних скифов, необходимо определить, что в социально-имущественном отношении представляло позднескифское общество в целом. Можно ли выделить в нем какие-либо социальные группы населения, свидетельствующие о степени его имущественной дифференциации. В последнее время этот вопрос рассматривался неоднократно. Он в основном изучался на материалах могильников, так как ограниченный материал по жилищам, раскопанным на позднескифских городищах, и их плохая сохранность не позволяет дать убедительную сословную градацию жилищно-хозяйственных комплексов и провести параллель с различными группами погребений [ср.: 90, с. 67-68].

Выводы исследователей относительно имущественного и социального состава населения Поздней Скифии можно разделить на две группы. Одни считают, что для поздних скифов была характерна сравнительно слабая имущественная дифференциация [49, с. 101; 92, с. 87], которая, однако, была обусловлена не только социальной стратификацией общества, но целым рядом иных, в том числе и не всегда понятных сейчас, обстоятельств [68, с. 136-138; 74, с. 110-112]. В противоположность этому, Т.Н.Высотская, основываясь на качественном составе погребального инвентаря в могилах, полагает, что позднескифское общество было в достаточной степени стратифицировано по имущественному и, следовательно, социальному признаку. Разделив погребения шести могильников Юго-Западной Таврики по качеству сопровождавшего умерших инвентаря, она считает возможным выделить три основные группы населения, различающиеся по имущественным признакам. Это богатые погребения, соответствующие привилегированному слою общества, захоронения средних слоев населения, а к третьей группе отнесены могилы бедноты с весьма скромным набором вещей или вообще лишенные инвентаря [20, с. 141]. При этом следует подчеркнуть, что в отличие от тех, кто постулирует на эмпирическом уровне слабую дифференциацию позднескифского общества, Т.Н.Высотская провела статистический анализ вещей из погребальных комплексов.

Но в основу подсчетов Т.Н.Высотской была положена неверная в принципе посылка о том, что позднескифское общество было достаточно развитым классовым и, следовательно, достаточно стратифицированным социальным организмом. Этим и был обусловлен фактический вывод о достаточно близкой социальной структуре позднескифского общества и других государств древнего мира [ср.: 85, с. 16]. Помимо этого, при подсчетах не был учтен весь спектр факторов, который мог обусловить качественный состав погребального инвентаря, на что обратили внимание исследователи [ср.: 74, с. 110-111].

А.Е.Пуздровский совершенно правильно отметил, что формирование позднескифского общества происходило в условиях оседания кочевников на землю и перехода к иному способу хозяйствования, чем был обусловлен процесс вторичного классовообразования, базировавшийся на принципиально иной форме собственности на условия и средства производства [74, с. 109-110; ср.: 58, с. 20]. Сейчас уже ни у кого не вызывает сомнения, что именно в процессе седентаризации сложились те предпосылки, которыми было обусловлено формирование позднескифского государственного

образования Скилура [74, с. 110; ср.: 103, с. 142-143]. Ведь именно определенная хозяйственная система, в конечном счете, определяет социальную структуру общества и формы управления [ср.: 99, с. 16-22]. В непосредственной связи с этим и следует рассматривать специфику социальной дифференциации поздних скифов.

Вместе с этим нельзя согласиться с А.Е.Пуздровским, что, "как конкретно происходил процесс оседания кочевников в Крыму на землю, неизвестно" [74, с. 110]. Несмотря на то, что характер оседания скифов-кочевников на землю в этом районе ясен не во всех деталях, в его изучении достигнут значительный прогресс [8, с. 18-26], что позволяет использовать имеющиеся данные для воссоздания аналогичных процессов, имевших место на территории Поздней Скифии.

В процессе оседания на землю происходит "раздвоение" кочевого этноса, так как седентаризация в первую очередь характерна для беднейшей части кочевников. В результате этого определенный социальный организм делится на два хозяйственно-культурных типа, которые отвечают социальному и имущественному положению двух основных групп: кочевой элемент – аристократия, земледельческий – рядовое население [8, с. 24; ср.: 71, с. 33-39]. В результате этого оседлое население можно рассматривать в качестве совокупности самостоятельных в производственном отношении семей или союза хозяйственно самостоятельных, принципиально равных между собой глав семейств, а не иерархически организованных вокруг лидера сообщества, связанных коллективным трудом. Такая община возникает на базе элементов распавшегося раннеклассового общества, в данном случае кочевого, и определяется как протоклассовая [69, с. 72-84].¹⁴ Именно в рамках такой общины и происходил процесс вторичного классового образования на основе уже земельной собственности и принципиально иного типа хозяйствования.

Сложившееся таким образом положение определяет сословное деление общества на два слоя: аристократию и рядовых общинников, которые и являлись основной производительной силой позднескифского общества. Именно такая структура общества была характерна для всех без исключения раннеклассовых социальных организмов [70, с. 69], в которых сословная принадлежность определяла экономические привилегии [7, с. 129-130]. На этой основе шел постепенный процесс формирования классов, окончательно оформившихся только в эпоху капитализма [подр. см.: 7, с. 129].

Сказанное свидетельствует об ошибочности теоретических посылок Т.Н.Высотской относительно имущественной и социальной градации позднескифского общества. Все имеющиеся сейчас данные позволяют заключить, что позднескифское общество, как и скифское предыдущего этапа развития [7, с. 125-131; 90, с. 250], было раннеклассовым, и его социальная структура была обусловлена уровнем его стадийного развития [подр. см.: 70, с. 69].

Вместе с этим, неодинаковое имущественное положение погребенных в позднескифских могильниках, помимо иных возможных факторов, объясняется тем, что для слоя рядовых общинников всякого раннеклассового социального организма

¹⁴ В условиях господства натурального хозяйства, как правило, такая протоклассовая община эксплуатируется путем взимания ренты-налога государственным аппаратом или уполномоченным на то верховным правителем частным лицом [подр. см.: 70, с. 159-160].

характерно внутреннее расслоение, которое, так или иначе, находит отражение в погребальном обряде [70, с. 69-70]. Поэтому методически оправданным представляется не выделение богатых, среднего достатка и бедных погребений, как это было сделано Т.Н.Высотской, а изучение дробной, многоступенчатой иерархии погребений, вполне возможной на массовом археологическом материале, естественно, с учетом стадийного уровня позднескифского общества [70, с. 70]. В качестве примера может быть приведена работа, проведенная Е.П.Бунятян, в результате которой на основании разностороннего анализа скифских погребальных комплексов IV-III вв. до н.э. была выделена довольно сложная социальная градация в среде рядовых общинников у скифов более раннего времени [7; ср.: 63, с. 97].

Из всего сказанного следует, что выводы Т.Н.Высотской относительно степени имущественной и социальной стратификации позднескифского общества, построенные на ошибочной методике подсчетов, не могут быть приняты. Они подтверждают лишь факт наличия имущественной и социальной дифференциации в позднескифском обществе, который, впрочем, никем не отрицается, но ни в коей мере не могут свидетельствовать о ее степени и тем более о наличии зависимого населения, рабов или значительной поляризации населения [ср.: 20, с. 141].

На основании всего сказанного можно заключить, что позднескифское общество времени правления Скилура и позднее не было чем-то самобытным или исключительным. Его нельзя рассматривать в качестве государственного образования с признаками монархии эллинистического типа, а, с учетом выделенных в настоящее время признаков, следует относить к социальным организациям раннеклассового уровня развития, естественно, с учетом конкретно-исторических условий, сложившихся на территории Таврики во II в. до н.э. – первых веках н.э. Но если применительно ко времени походов Диофанта можно говорить о том, что позднескифское население Таврики было объединено под властью аристократического рода Скилура, то после разгрома царских крепостей и победы понтийских войск над правителями поздних скифов, Позднескифское государство распалось на ряд областей, которые управлялись своими правителями или династиями [49, с. 101; ср.: 74, с. 118]¹⁵, которые, судя по имеющемуся археологическому материалу, не особенно заметно выделялись своим имущественным положением из среды рядовых общинников. В пользу именно такой динамики развития свидетельствуют сообщения древних авторов о наличии у поздних скифов нескольких правителей, деятельность которых относится ко времени после разгрома государственного образования Скилура и Палака [Метр., XV, 30, 2-3; App. Mith., 78], а также тот исключительно важный факт, что, скорее всего, названия скифских крепостей Напит, Палакий и Хабеи были производными от названия ряда скифских племенных или этнических групп [Diod. II, 43, 2,4; Plin. VI, 22,50; 75, с. 211; 93, с. 51-52; 103, с. 147-148]. Весьма показательно, что, по Клавдию Птолемею, город Амадока, который локализуется где-то в нижнем течении Днепра, в районе концентрации позднескифских памятников, получил свое название от племени амадоков [Ptol., III, 5,10,14], а Плиний сообщает о 30 народах, которые жили в древности на территории

¹⁵ А.М.Хазанов считал, что позднескифское государственное объединение делилось на улусы [90, с. 198].

Таврики, и о шести городах [Plin., NH, 85], не поддающихся пока точной локализации [75, с. 209].¹⁶ Не исключено, что после поражений скифов в борьбе с Диофантом ряд позднескифских городищ стали административными центрами [ср.: 58, с. 74-76; 97], во главе которых стояли правители или "басилевсы", о чем косвенно свидетельствуют приведенные письменные источники [ср.: 49, с. 100-101; 111, р. 46-47; ср.: 74, с. 113].

Сообщения античных авторов первых веков н.э. хорошо согласуются с археологическими данными, на основе которых был сделан вывод о наличии у поздних скифов рубежа и первых веков н.э. территориальных общин, базировавшихся на определенной форме земельной собственности [74, с. 114, 118].¹⁷ Наличие следов размежевки земли в Юго-Западной Таврике и поблизости позднескифских памятников на Нижнем Днепре [9, с. 4, 13, 18-20; 97, с. 117] (рис. 3) позволяет говорить о функционировании в указанных районах системы парцелярного землепользования [подр. см. 74, с. 114, прим. 142].¹⁸ Следовательно, население этих общин выступает уже как совокупность более или менее самостоятельных экономических единиц [69, с. 72-84; ср.: 67, с. 137-139], что свидетельствует об определенном прогрессе в социально-экономическом развитии позднескифского общества в сравнении с более ранним временем. Одной из основных особенностей социально-политического развития поздних скифов на рубеже и в первые века н.э. было отсутствие четко уловимого слоя родовой знати, на которую могли опираться правители ряда областей, образовавшихся после походов Диофанта на месте раннеклассового государственного образования Скилура и Палака. Это, с одной стороны, свидетельствует, что оно не было достаточно стойким политическим образованием, базировавшемся на прочной экономической основе, а, с другой, – обстановка на Таврическом полуострове складывалась так, что поздние скифы уже не смогли вновь стать самостоятельной политической силой в условиях массовых миграций более сильных в военном отношении кочевых сарматских племен, включивших в орбиту своих интересов Таврический полуостров [49, с. 101-102].

¹⁶ Уже указывалось на то, что вполне возможно под многочисленными "сыновьями Скилура", о чем сообщают древние авторы, скрываются правители племенных или этнических групп, подчиненных Скилуром и объединенных на время в рамках единой социально-политической структуры [49, с. 100-101; ср.: 101, с. 34].

¹⁷ В этом отношении весьма показательным распространение в позднескифских могильниках с рубежа н.э. грунтовых склепов с многократными захоронениями [74, с. 115-118], наиболее характерными для расширенной или большой семьи, что, видимо, объясняется спецификой ведения сельскохозяйственного производства в условиях в целом натурального хозяйства [90, с. 67]. Но при этом говорить о том, что такие семьи были объединены в патронимии преждевременно [ср.: 74, с. 117], так как для этого нет бесспорного фактического материала. Кроме этого, не только понятие самого термина "патронимия", но и его содержание определяются исследователями по-разному [подр. см.: 30; 60].

¹⁸ Принимая вывод А.Е.Пуздровского о наличии у поздних скифов Юго-Западной Таврики и Нижнего Днепра определенной системы землепользования, нашедшей отражение в системе размежевки, следует вслед за ним отметить, что серьезных ее археологических исследований не проводилось. Но наличие аналогичной системы межевания сельскохозяйственных угодий в стадияльно достаточно близких обществах Европы с большей или меньшей степенью вероятности позволяет связывать эти следы с поздними скифами [подр. см.: 27, с. 102-104], хотя это, естественно, не исключает их углубленного археологического изучения в дальнейшем.

Итак, суммируя все сказанное, следует еще раз подчеркнуть, что позднескифское государственное образование, созданное усилиями Скилура во второй половине II в. до н.э., безусловно, выдающегося деятеля своего времени, было раннегосударственным образованием и раннеклассовым социальным организмом со всеми присущими ему признаками. Не исключено, что в перспективе под влиянием соседних более развитых в социально-экономическом отношении античных государств оно могло постепенно трансформироваться в более совершенную политическую структуру. Но история не дала поздним скифам такого шанса. Развитие позднескифской государственности было остановлено сначала походами Диофанта, а затем мощным притоком в Центральную и Юго-Западную Таврику сарматских племен, которые включили эти территории в состав своего государства, а сами поздние скифы были постепенно ассимилированы осевшими на землю пришельцами.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Андрух С.И. Нижнедунайская Скифия в VI – начале I в. до н.э. Запорожье, 1995.
2. Анохин В.А. Монеты античных государств Северо-Западного Причерноморья. К., 1989.
3. Ахмедов И.Р., Гущина И.И., Журавлев Д.В. Богатое погребение II в. н.э. из могильника Бельбек IV // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
4. Богданова Н.А. Могильник первых веков нашей эры у с. Заветное // Археологические исследования юга Восточной Европы. Ч.3. Труды ГИМ. Вып. 70. М., 1989.
5. Богданова Н.А., Гущина И.И., Лобода И.И. Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму // СА. 1976. № 4.
6. Браунд Д.С. Римское присутствие в Иберии и Колхиде // ВДИ. 1991. № 4.
7. Бунятян Е.П. Методика социальных реконструкций в археологии. На материалах скифских могильников IV- III вв. до н.э. К., 1975.
8. Бунятян Е.П., Бессонова С.С. Про етнічний процес на Європейській частині Боспору в скіфський час // Археологія. 1990. № 1.
9. Веймарн Е.В. Отчет о работе Горного отряда археологической экспедиции Крымского филиала АН УССР и Бахчисарайского историко-археологического музея в 1954 г. // НА ИА НАН Украины. 1954. Д. 39.
10. Виноградов Ю.Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э. // ВДИ. 1987. № 1.
11. Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв. до н.э. Историко-эпиграфическое исследование. М., 1989.
12. Виноградов Ю.Г. Понт Эвксинский как политическое, экономическое и культурное единство и эпиграфика // Античные полисы и местное население Причерноморья. Севастополь, 1995.
13. Виноградов Ю.Г. Херсонесский декрет о "несении Диониса" IOSPE, I², 343 и вторжение сарматов в Скифию // ВДИ. 1997. № 3.
14. Виноградов Ю.Г., Щеглов А.Н. Образование территориального Херсонесского государства // Эллинизм: экономика, история, культура. М., 1990.
15. Виноградов Ю.Г., Крапивина В.В. Ольвия и Боспор в раннем IV в. до н. э. // Античные полисы и варварское население Причерноморья. Севастополь, 1995.
16. Внуков С.Ю., Лагутин А.Б. Земляные склепы позднескифского могильника Кара-Тобе в Северо-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
17. Волошинов А.А. Новые памятники позднескифской скульптуры из Юго-Западного Крыма // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
18. Высотская Т.Н. Поздние скифы в Юго-Западном Крыму. К., 1972.

19. Высотская Т.Н. Неаполь – столица государства поздних скифов. К., 1979.
20. Висотська Т.М. До питання про соціально-політичну структуру пізньоскіфської держави // Археологія. 1992. № 2.
21. Высотская Т.Н. Влияние античной культуры на скифов поздней поры // Северо-Западный Крым в античную эпоху. К., 1994.
22. Высотская Т.Н. Усть-Альминское городище и некрополь. К., 1994.
23. Гаврилюк Н.А. История экономики Степной Скифии VI-III вв. до н.э. К., 1999.
24. Голубцова Е.С. Полис и монархия в эпоху Селевкидов // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992.
25. Граффити античного Херсонеса. К., 1978.
26. Грач Н.Л. Открытие нового исторического источника в Нимфее // ВДИ. 1984. № 1.
27. Гуревич А.Я. Аграрный строй варваров // История крестьянства Европы. М., 1985. Т. 1.
28. Гуцина И.И. Население сарматского времени в долине реки Бельбек в Крыму (по материалам могильников) // Археологические исследования юга Восточной Европы. М., 1974.
29. Гуцина И.И. О локальных особенностях культуры населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э. // Археологические исследования юга Восточной Европы. Труды ГИМ. Вып. 54. М., 1982.
30. Давыдов А.Д. Сельская община и патронимия в странах Ближнего и Среднего Востока. М., 1979.
31. Дашевская О.Д. Поздние скифы в Крыму // САИ. 1991. Вып. Д 1-7.
32. Журавлев Д.В. Краснолаковая керамика группы Eastern sigillata B из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Древности Евразии. М., 1997.
33. Журавлев Д.В. Граффити на краснолаковой керамике из могильника Бельбек IV в Юго-Западном Крыму // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
34. Журавлев Д.В. О датировке Eastern sigillata B из Юго-Западного Крыма // Археологія. 2001. № 3.
35. Зайцев Ю.П. До питання про грецьке населення Неаполя // Археологія. 1990. № 1
36. Зайцев Ю.П. Мавзолей Неаполя Скіфського // Археологія. 1992. № 1.
37. Зайцев Ю.П. Неаполь Скифский – Ольвия – Боспор: К проблеме этно-культурных связей // Ольвия – 200 лет. Тезисы докл. Николаев, 1994.
38. Зайцев Ю.П. Хронология Неаполя Скифского // Древности Степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 1995. Вып. 5.
39. Зайцев Ю.П. Мегарони Неаполя Скіфського // Археологія. 1995. № 1.
40. Зайцев Ю.П. О назначении и устройстве одного типа построек Неаполя Скифского (К проблеме позднескифского мегарона) // Проблемы археологии древнего и средневекового Крыма. Симферополь, 1996.
41. Зайцев Ю.П. Южный дворец Неаполя Скифского // ВДИ. 1997. № 3.
42. Зайцев Ю.П. Скилур и его царство. (Новые открытия и новые проблемы) // ВДИ. 1999. № 2.
43. Зайцев Ю.П. Мавзолей царя Скилура: факты и комментарии // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
44. Зайцев Ю.П., Пуздровский А.Е. Неаполь скифский в эпоху диофантовых войн // Северо-Западный Крым в античную эпоху. К., 1994.
45. Зельин К.К. Основные черты эллинизма // ВДИ. 1953. № 4.
46. Зельин К.К. Некоторые основные проблемы истории эллинизма // СА. 1955. Т. 22.
47. Зельин К.К., Трофимова М.К. Формы зависимости в Восточном Причерноморье эллинистического периода. М., 1969.
48. Зубар В.М. Про похід Плавтія Сільвана в Крим // Археологія. 1988. Вип. 63.
49. Зубар В.М. Про пізньоскіфську державність // Археологія. 1992. № 1.
50. Зубарь В.М. Херсонес Таврический в античную эпоху (экономика и социальные отношения). К., 1993.

51. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно-политической истории. К., 1994.
52. Зубарь В.М. Ольвия и Скилур // РА. 1996. № 4.
53. Зубарь В.М., Савеля О.Я. Новый сарматский могильник второй половины I – началу II ст. н.э. в Південно-Західному Криму // Археологія. 1989. № 2.
54. Кадеев В.И. Очерки экономики Херсонеса в I-IV вв. н.э. Харьков, 1970.
55. Кадеев В.И., Сорочан С.Б. Экономические связи античных городов Северного Причерноморья в I в. до н.э. – V в. н.э. (На материалах Херсонеса). Харьков, 1989.
56. Карышковский П.И. Про так звані монети скифського царя Скілура // Археологія. 1973. Вип.9.
57. Карышковский П.О. Монеты Ольвии. К., 1988.
58. Колтухов С.Г. Укрепления Крымской Скифии. Симферополь, 1999.
59. Колтухов С.Г., Махнева О.А. Новый участок оборонительной стены Неаполя Скифского // Архитектурно-археологические исследования в Крыму. К., 1988.
60. Косвен М.О. Семейная община и патронимия. М., 1963.
61. Кошеленко Г.А. Греческий полис на эллинистическом Востоке. М., 1979.
62. Кошеленко Г.А. Эллинизм: к спорам о сущности // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
63. Крадин Н.Н. Империя хунну. Владивосток, 1996.
64. Крижицкий С.Д., Крапивина В.В., Лейпунська Н.О. Головні етапи історичного розвитку Ольвії // Археологія. 1994. № 2.
65. Массон В.М. Экономика и социальный строй древних обществ. Л., 1976.
66. Молев Е.А. Боспор в период эллинизма. Нижний Новгород, 1994.
67. Неусыхин А.И. Эволюция общественного строя варваров от ранних форм общины к возникновению индивидуального хозяйства // История крестьянства Европы. М., 1985. Т. 1.
68. Ольховський В.С. Про дискусійні питання соціально-політичної історії Пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 2.
69. Павленко Ю.В. Пути становления раннеклассовых социальных организмов // Исследование социально-исторических проблем в археологии. К., 1987.
70. Павленко Ю.В. Раннеклассовые общества (генезис и пути развития). К., 1989.
71. Павленко Ю.В. Классообразование у кочевников // Маргулановские чтения. Мат-лы науч. конф. М., 1992.
72. Павленко Ю.В. Історія світової цивілізації. К., 1996.
73. Пуздровский А.Е. Граффити на краснолаковой посуде из раскопок Усть-Альминского некрополя в 1993-1995 гг. // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Симферополь, 1997. Вып. 1.
74. Пуздровский А.Е. Очерк этносоциальной истории Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 1999. № 3.
75. Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. – III в. н.э.) // ХСБ. 1999. Вып. 10.
76. Пуздровский А.Е. Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. – III в. н.э. // ВДИ. 2001. № 3.
77. Пуздровский А.Е. Погребения Битакского могильника первых веков н.э. с оружием и конской уздой // Поздние скифы Крыма. Труды ГИМ. Вып. 118. М., 2001.
78. Сапрыкин С.Ю. Понтийское царство. Государство греков и варваров в Причерноморье. М., 1996.
79. Соломоник Э.И. Эпиграфические памятники Неаполя скифского // НЭ. 1962. Т. 3.
80. Соломоник Э.И. Несколько неизданных надписей Херсонеса и его округа // НЭ. 1974. Т. 11.
81. Соломоник Э.И. Сравнительный анализ свидетельства Страбона и декрета в честь Диофанта // ВДИ. 1977. № 3.
82. Сорочан С.Б. Экономические связи Херсонеса со скифо-сарматским населением Крыма в I в. до н.э. – V в. н.э. // Античные государства и варварский мир. Орджоникидзе, 1981.

83. Сымонович Э.А. Население столицы позднескифского царства (по материалам восточного могильника Неаполя Скифского). К., 1983.
84. Трейстер М.Ю. Боспор и Египет в III в. до н.э. // ВДИ. 1985. № 1.
85. Утченко С.Л., Дьяконов И.М. Социальная стратификация древнего общества // XII Международный конгресс исторических наук. М., 1970.
86. Ушаков С.В. К вопросу о херсонесской краснолаковой керамике // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Севастополь, 1997.
87. Фролов Э.Д. Исторические предпосылки эллинизма // Эллинизм: экономика, политика, культура. М., 1990.
88. Фролова Н.А. Монеты скифского царя Скилура // СА. 1964. № 1.
89. Хазанов А.М. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы) // СЭ. 1971. №6.
90. Хазанов А.М. Социальная история скифов. М., 1975.
91. Храпунов И.Н. Булганакское позднескифское городище (по раскопкам 1981-1989 гг.) // МАИЭТ. 1991. Вып. II.
92. Храпунов И.М. До соціально-політичної характеристики Пізньоскіфського царства // Археологія. 1992. № 1.
93. Храпунов И.Н. Очерки этнической истории Крыма в раннем железном веке. Тавры, скифы, сарматы. Симферополь, 1995.
94. Храпунов И.Н., Власов В.П., Молодцов О.Э., Мульд С.А. Позднескифское поселение Золотое Ярмо // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
95. Чайлд Г. Прогресс и археология. М., 1949.
96. Шелов Д.Б. Танаис и Нижний Дон в III-I вв. до н.э. М., 1970.
97. Шишкин К.В. Применение аэрофотосъемки для исследования археологических памятников // СА. 1963. № 3.
98. Шкунаев С.В. Греческие центры юга Галлии в эллинистическое время // Эллинизм: Восток и Запад. М., 1992.
99. Шнірельман В.О. Господарські системи як фактор соціальної диференціації // Археологія. 1992. № 1.
100. Штаерман Е.М. Мораль и религия угнетенных классов Римской империи. М., 1961.
101. Щеглов А.Н. Позднескифское государство в Крыму: к типологии эллинизма // Древний Восток и античная цивилизация. Л., 1988.
102. Щеглов А.Н. Финал кизил-кобинской культуры и поздняя история тавров // Скифы, Хазары, Славяне, Древняя Русь. СПб., 1998.
103. Щеглов А.Н. Еще раз о позднескифской культуре в Крыму (К проблеме происхождения) // Проблемы археологии. 1998. Вып. 4.
104. Braund D.C. Client Kings // The Administration of the Roman Empire (241 DC - AD 193). Exeter Studies in History. 1988. 18.
105. Elton H. Frontiers of the Roman Empire. London, 1996.
106. Finley M.I. Ancient Economy. Berkeley and Los Angeles, 1973.
107. Latyshev B. Inscriptiones antiquae orae Septentrionalis Ponti Euxini. Petropoli, 1916. Vol. 1.
108. Whittaker C.R. Frontiers of the Roman Empire. London, 1994.
109. Will E. Histoire politique du monde hellénistique (323-30 av J. - C.). Nancy, 1966. T. I.
110. Zhuravlev D. Terra sigillata and red slip Pottery from the late skythian Necropoleis of the South-Western Crimea (1st - 3rd Centuries AD) // Rei Cretariae Romanae Favtorvm Acta. 2000. 36.
111. Zubar V.M. Concerning the Character of the Statehood in the Taurica Territory // Miscellanea Bulgarica. 1997. 11.

V. M. ZUBAR'

CONTRIBUTION TO THE PROBLEM OF THE LATE SCYTHIAN STATEHOOD

Summary

At the article examined question about the character of later scythians statement. Author concludes that later scythian state formation, which has been created by Skilur at the second half of II c. B. C., was early classed social organism with all typical features. Later under the influence of near structures which were better developed in social-economical sense it could be transformed into better developed structure. But history gave no such chance for scythians. Development of later scythian statement was stopped. At first by campaigns of Diophant and than by powerful tributary of sarmatian tribes into Central and South-Western Crimea. As a result sarmatians included this territory into their state and scythians step by step were assimilated by alliances.

Рис. 1. Скилур. Реконструкция по черепу М.М.Герасимова.

Рис. 2. Рельеф с изображением конного Палака.

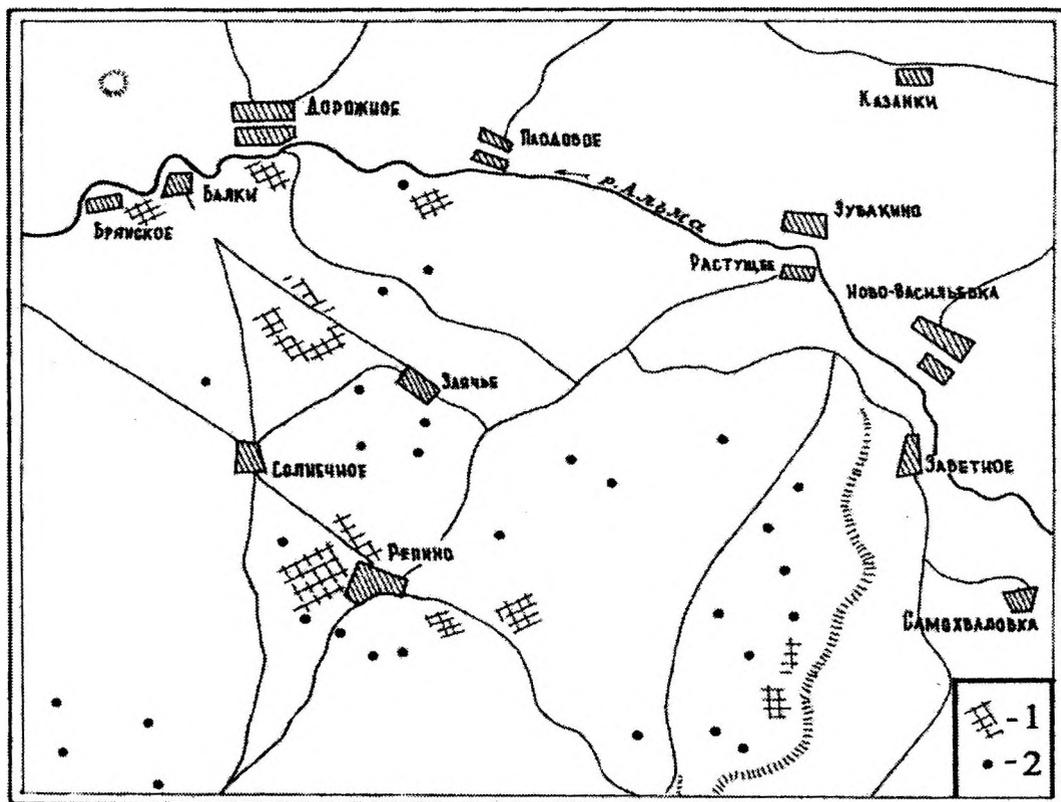

Рис. 3. Следы размежевки земли в Юго-Западном Крыму по Е.В.Веймару.
1 – размежеванная территория; 2 – курганы.